

ДИСКУРСИВНЫЙ ВАКУУМ МОЛЧАНИЯ: ТЕРРИТОРИЯ И КАРТА

Голофаст А. В.

Голофаст Анастасия Витальевна — кандидат политических наук, Академия труда и социальных отношений. Российская Федерация, 119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90. e-mail: golofastav@atiso.ru.

Аннотация. В эпоху цифровой информационной избыточности дешифровка территории молчания через символику картирования может внести дополнительное упорядочивающее начало и быть актуальной в плане снятия повышенной степени сложности. Последнее внесет дополнительные содержательные аспекты в понимание происходящих трансформаций в жизни общества и дискурсивные практики научной мысли. В различиях между молчанием как органическим феноменом подсознательного/неосознанного и сконструированным дискурсивным вакуумом осознанной негации в отношениях агент/принципал содержится потенциал для концептуальных трансформаций онтологических представлений о мире, раздвигающих границы установок принятого в сообществе и открытия интенциональных предрасположенностей агентов действия. Морфогенетическая кристаллизация смысла может возникнуть при повторе в новом фрактальном качестве синергетического становления при двусторонней акцентуации молчания как тер-

ритории и карты. Концептуальный морфогенез молчания находит отображение в динамической карте смыслогенеза, намечающего возможности и ограничения амбивалентного дискурсивного вакуума, дополняющего нарративный дискурс.

Ключевые слова: молчание, дискурсивный вакуум, нарратив смыслообразования, преадаптивность, становление, слушание «третьим ухом», паттерногенез, эмпатия.

DISCURSIVE VACUUM OF SILENCE: TERRITORY AND MAP

Anastasia V. Golofast

Anastasia V. Golofast — PhD in Political Science, Academy of Labour and Social Relations. Russian Federation, 119454, Moscow, Lobachevskogo St., 90, e-mail: golofastav@atiso.ru.

Abstract. In the era of digital information redundancy, deciphering the territory of silence through the symbolism of mapping can bring additional ordering and be relevant in terms of removing increased complexity. The latter will introduce additional meaningful aspects to the understanding of ongoing transformations in the life of society and discursive practices of scientific thought. The distinction between silence as an organic phenomenon of the unconscious and the constructed discursive vacuum of conscious negation in agent/principle relations contains the potential for conceptual transformations of ontological representations of the world, pushing the boundaries of the attitudes of the accepted community and discovering the intentional predispositions of acting agents. Morphogenetic crystallization of meaning can emerge in the repetition in a new fractal quality of synergetic becoming in the bilateral accentuation of silence as territory and map. The conceptual morphogenesis of silence is reflected in the dynamic map, outlining the possibilities and limitations of the ambivalent discursive vacuum that complements the narrative discourse.

Keywords: silence, discursive vacuum, meaning-making narrative, pre-adaptability, becoming, listening with the “third ear”, patternogenesis, empathy.

Введение. Когнитивные практики исследований максимизируют функции вербальной диалогической и монологической речи, практически сводя к минимуму то обстоятельство, что у каждого феномена есть оборотная сторона, которая не менее значима, хотя остается в тени бессловесного. В данном случае речь идет о молчании, которое замещает нарратив поступком или бездействием в витальной ситуации, что значимо с точки зрения «понятийной чувствительности»¹. В мире внезапности возникновение глобальных проблем территориальное картирование молчания позволяет играть на опережение, не дожидаясь перехода от дискурсивного вакуума к нарушению параметров порядка сообщества, поскольку молчание органическим образом связано с властью в межличностных и в общественных отношениях. Отсутствие полной информации и вербальной выразимости не является единственным источником возникновения молчания. Молчание, понимаемое порой как латентная истина, может быть покрыто пересекающимися, оспаривающими друг друга нарративами. Молчание не всегда равноценно бездействию. В случаях, сопряженных с личностными и общественными трансформациями, молчание может быть перформативом.

Молчание может быть истолковано как фигуральное понятие у реальных и конкретных носителей. Как правило, это члены сообщества, лишенные возможности личностных поведенческих артикуляций в решении управленческих проблем разного уровня. Чередование риторических и контрриторических приемов в рамках борьбы за участие в формировании актуальной повест-

¹ Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология. 2010. №31. С. 5-29.

ки² маркирует основополагающую борьбу за то, кто ответствен за смену правил, по которым меняются параметры порядка сообщества; Масштабирование практик молчания в рамках сообщества чревато экзогенным прорывом молчания в публичном проявлении предлагаемых вовне решений.

Молчание: территория. Пространственно-временной континуум в отношениях между людьми определяется порождающей паузой смыслового порядка в построении онтологических представлений о мире. Территория генезиса смысла, как условно первичная реальность в предлагаемых обстоятельствах, подразумевает возможность дефиниции базовых терминов и понятий. Паузы их порождающего молчания в разговоре зависят от существующих конвенций в сообществе: без первичного определения базовых понятий нет продуктивного диалога или полилога. Окантовка, фреймирование разговора означает упаковку смыслов не в статичную форму, а в форму, позволяющую установить зону обмена, совмещающую в себе дисциплинарные, повседневные, габитуальные представления о возможном решении в терминологии картирования территории. Перцептивный вакуум как зависание порождающего начала терминов общения возникает как следствие предшествующей перцептивной избыточности неупорядоченности. Воплощающийся знаковый терминологический ряд включает положения алгоритмического свойства данного языка: в каждом молчании заложен алгоритм его последующего нарушения как целенаправленно, так и по случайности. Частичная пунктирная деконцентрация предельного сжатия пружины молчания вплоть до его полноценного прерывания необходима для построения долговременно стрессоустойчивого сообщества.

Территория молчания познаваема при помощи артикуляции вшитых в сообщество культурных кодов, воспринимаемых как само собой разумеющееся, заключенное в традициях, обычаях

² Ясавеев И. Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. №1 (34). С. 91-102.

и нарративном шифре, в наметках к картированию территории. В этом смысле молчание отнюдь не означает только тишину — напротив, оно может быть покрыто дискурсивным панцирем, скрывающим материю уязвимости и эмпатии, которая делает молчание предельным выражением реципрокации в общении между людьми. Процессинг впечатлений в ходе коммуникации дает сложностный разрез молчания. Эвристика синергетики молчания раскрывается со стороны нарождающихся параметров порядка в интервале между первичным и привычным, воспринятым к действию и новизной. Столкновение с новизной провоцирует либо эмпатическое принятие, либо отторжение, либо отход от предшествующих установок в пользу нового.

Опции лояльности новому, «голоса» поддержки и «выхода» из ситуации создают периодическое отношение, вписанное в молчание. Молчание как аттитюд, как отношение, показывает уровень восприимчивости к сепарированию смыслов и к эмпатическому контакту. Молчание может использоваться как инструмент управления репутацией и минимизации репутационных издержек. Молчание как согласие выражает степень преадаптивного принятия предлагаемых параметров порядка не только беседы, но и культурного кода в целом. Пассионарность молчания в том, что невыразимая эмоция скрывает инструментарий коммуникаций, показывая новое расширение локуса контроля и свободы в молчании. Контролируя молчание, субъект может удерживать локус контроля беседы и ее динамический эмерджентный морфогенез. Тонкая материя разговора имеет лакуны дыхания временного лага, позволяющего корректировать русло разговора, и на критических развилках происходит выбор смысловых коннотаций, запаянных в молчание как стихию само собой разумеющегося.

Альтернативой молчанию становится декларация о намерениях, не имеющая под собой поведенческой опоры. Выхолащивание смысла поведения имеет своим пределом «пустое» молчание, также поддающееся деконструкции. Молчание как социальный конвенциональный конструкт отличается от молчания, понимаемо-

го как *withdrawal* (*выход*), — когда другая сторона общения уклоняется от прямой речи по причинам в градации от отсутствия собственной позиции по предмету общения до категорического несогласия с партнером по коммуникации. В теории переговоров такое молчание интерпретируют как *BATNA* — лучшая альтернатива соглашению. Кроме того, молчание может использоваться как способ очистить «оперативную память» коммуникатора для последующего перформатива. Заградительный экран молчания позволяет выстроить сопровождающий действие нарратив, чтобы впоследствии приспособлять его к ситуации в режиме реального времени. Значительный сдвиг в интерпретации молчания возможен при личном присутствии глаза в глаза, когда территорией молчания становится непосредственное ближнее пространство.

Категорический императив молчания как интервенции в разговор заключается в требовании определиться в отношении ценностей. Когда поддержание разговора играет роль самостоятельной ценности, меркнут и угасают интерпретативные разрывы. Наблюдатель молчания прокреативен: он улавливает обрывки жестов, знаков, символов, получая функцию посредника между внутренним миром ткани разговора и внешним к разговору семиотическим пространством. Присутствие наблюдателя на территории молчания делает молчание живым и осязаемым в ускользающей хрупкости того, что может в любой момент быть пересмотрено, что может переродиться в нечто отличное от себя в амплитуде от шепота до крика, притом что само молчание может восприниматься как крик настолько интенсивный, что не схватывается вербаликой. Интервальное значение молчания в отношении субъектности участников окрашено палитрой смыслов, опровергающих бинарность «да-нет» применительно к признанию. Поскольку молчание — это не только то, что нельзя сказать, но это и те, кому отказано в праве речи от первого лица. Эта прямая речь частично заключена между строк дискурса мейнстрима и находит свое полнокровное выражение в публичном молчании как конструкторе наслоения инаковых нарративов. Все

это ведет к признанию того, что в молчании заключена и тайна, и отсылка к ее разгадке через анализ того, что не проявлено и неявно присутствует в дискурсе в дефицитарном выражении и даже в текстовых массивах в форме того, что вынесено в сноски, за скобки и написано на полях.

Однако включение вынесенного за скобки умалчиваемого и не выраженного в данный момент, трансцендирование за предел локуса контроля в разговоре предполагает и ведет к неопределенности. Она обозначает напряжение смыслопорождения в ракурсе остановки и ожидания реакции контрагента. Молчание как симулякр, образ, зависит от способности отступить от напора донесения собственной позиции и выждать *timing*, когда нарушение молчания приведет к принятию контрагентом более мягкой позиции в разговоре. Миссия участника коммуникации заключается не столько в том, чтобы убедить партнера согласовать прагматические интересы, сколько в том, чтобы создать и утвердить приоритет долгосрочного контакта. Молчание как замирание, ожидание значимого события — это сделка со временем. Время градуируется по степени своей наполненности от максимально наполненного до разреженности часов, дней или месяцев, притом что время тоже является во многом искусственным конструктом, созданным для упорядочения цикличной деятельности. В ногу со временем принято говорить, в ногу со временем и молчат, и нарушают это молчание во избежание крушения рамочных конструкций обычая, традиции и формы обустройства сообщества.

Молчание имеет прямое отношение к вниманию к тому, что происходит во внутренней и внешней среде субъекта. Эти среды подают импульс к управленческим трансформациям, происходящим на уровне принятия решений. Однако публичные арены, на которых происходит выдвижение социальных проблем, обладают ограниченной емкостью. Вследствие этого конкуренция за принятие проблемы в повестку высока, и селекция проблем происходит через фильтр, главным основанием которого является трансляция селекции. Перевод молчания в речь осуществляется через авторизованные к этому структуры, которым даны

технические задания о том, каким образом и какая информация допущена к масштабированию. Молчание как уединение маркирует отход от окружающей действительности в пространство внутреннего мира, испещренного в цифровую эпоху артериями коммуникаций. Поэтому на территории молчания как уединения есть вкрапления значений и смыслов, воспринятых извне, ее картирования.

Пространство внутреннего диалога не свободно от конципирования, которое является продуктом синергетики психических процессов. Этот добавочный продукт, в свою очередь, может быть представлен как пространство образования ценностей, которые впоследствии проходят утверждение в процессе опробывающих внешних коммуникаций. Ценности не функционируют на автопилоте, а частично вшиваются в процессе социализации, частично выкристаллизовываются в ходе получения опыта. Генезис ценностей происходит как часть персоногенеза личности, когда человек обретает себя, сталкиваясь с судьбоносными испытаниями. Молчание является одним из таких испытаний — во-первых, необходимо мужество, чтобы остаться наедине с собой, во-вторых, молчание может использоваться в качестве наказания в межличностном контакте. Опыт молчания всякий раз бывает разным, поскольку даже сходные обстоятельства человек проживает не один раз, будучи уже немного иной личностью из-за свойств своей памяти. Каждое новое воспоминание обладает морфогенетическим значением, с точки зрения личностного становления³.

Молчание обладает свойством периодичности и хрупкостью, поскольку может в любой момент быть нарушено, даже если это молчание как обет, т. е. обещание не вступать в разговор. Хрупкость молчания делает его особенно ценным в мире распространяющихся, как круги на воде, нарративов. Пронзительный лед молчания разбивается теплом долгого дружественного разговора или бабочкой легкой непритязательной речи. Молчание соз-

³ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 384 с.

дает чувство приватности в дружественном разговоре, однако в деловом разговоре означает возрастание дистанции. На территории молчания возникает пространство для угадывания реакции другого. Это ощущение тайны дает возможность лавирования между наборами параметров, из которых исходят участники коммуникации, для поиска взаимоприемлемого модуса коммуникации, благодаря которому сама коммуникация принципиально возможна. В коммуникациях между лидерами, представляющими интересы больших сообществ, конденсируется молчание, десятилетиями царящее вокруг спорных вопросов, в том числе территориальных.

Интересно рассмотреть молчание с позиции прогресса и реверса. В зависимости от дистанции в коммуникации, молчание может означать как прогресс и переход на новый уровень в общении, так и реверсивное движение в направлении удаления от собеседника. Подобная амбивалентность привлекает к молчанию особое внимание, с точки зрения поведенческой психологии. С позиции движения по лестнице абстракции, молчание, кроме конкретного значения умолкания в общении, имеет развернутое значение дискурсивного вакуума, который может возникнуть в результате покрытия территории молчания чужеродным дискурсом, как заплаткой на одеяле ткани коммуникаций. Внутри границ молчания процессуальность видения дискурсивного вакуума сталкивается с дискретностью речевого акта, притом что процесс молчания является сложностным, и в него оказывается вложено несколько смыслов одновременно. Молчание, например, может рассматриваться как компонент утилитарного отношения к наличной действительности в качестве тактики энергосбережения или же как способ удержания статус-кво в разговоре, как сделка и общественный договор, как пауза для определения издержек и выгод активного действия.

Классическая кибернетическая теория представляет молчание как черный ящик. Зная информацию, которая поступает на входе, и решения, которые получаются на выходе, мы не можем с точностью предполагать, какие процессы происходят внутри

черного ящика, даже когда они сопровождаются нарративами. Внутренняя жизнь системы покрыта молчанием в расширительном значении слова. Молчание, которое соединяет в себе элементы движения и элементы статичности, может способствовать удержанию системы в гомеостатическом состоянии перед лицом изменений среды. Вместе с тем, молчание предшествует скачку фазового перехода состояний системы и может выступать в качестве подготовительной стадии перед этим скачком. Многогранность определений территории молчания дает почву для его академического переосмысления в сторону отхода от понимания молчания как пустоты — к смысловой наполненности, что позволяет впоследствии перейти к картированию зональности молчания.

Молчание: карта. Картирование молчания предполагает привлечение того, что ранее было вынесено за скобки, что было написано между строк или на полях, в область открытых вербальных коммуникаций. Фрейд описывал модель слушания с «плавающим вниманием» (*Freischwebende Aufmerksamkeit*). Его ученик Теодор Райк одним из первых указал на то, что эмоциональный компонент молчания недостаточно изучен, и развил свою идею «слушания третьим ухом». Цель такого слушания — сосредоточиться не на том, что говорится, а быть открытым к небольшим нестыковкам в нарративе, которые могут свидетельствовать о том, что за ним скрывается другая история, имеющая своим источником подсознание⁴. Создание карты молчания начинается, в первую очередь, с того, что разумеющееся само по себе предстает как один из возможных вариантов поведения, который можно поставить под сомнение с целью дальнейшей переоценки. Когда человек приходит в мир, он оказывается в пространстве регулятивов, которые появились и стали функционировать в качестве разумеющегося задолго до появления этого человека на свет. Индивидуальный опыт, получаемый непосредственно

⁴ Lagaay A. Between Sound and Silence: Voice in the History of Psychoanalysis // Freie Universitaet Berlin, 2008, vol. 1, Pp. 53-62.

в процессе жизнедеятельности, может противоречить перенимаемой при социализации модели поведения, и тогда возникает ценностный конфликт или конфликт поколений. Обмен опытом и выбор пути часто происходит за пределами зоны вербальных коммуникаций — при помощи поступков и символических жестов, а ведь это тоже язык молчания.

При формировании карты молчания разные его типы могут накладываться друг на друга, трансформируя вкладываемые в молчание смыслы. Подобно океану, в которыйходишь постепенно и в котором существуют разные внутренние течения, молчание раскрывается со временем в своих глубинных значениях, оказывающих формирующее влияние на личность и на социум, в который эта личность вписана, а также на связи между ними. Каждое действие, а молчание можно рассматривать и в этом качестве, влечет за собой последствия, но вовсе не всегда те и в том объеме, на который это действие было рассчитано. Нелинейный характер последствий говорит и о нелинейности и непрямом характере интенциональности молчания, притом, что молчание обладает способностью переводить субъект-субъектные отношения в субъект-объектные.

Рисуя карту молчания, можно учитывать его атрибутику с позиции властных отношений, а это, прежде всего, отношения делегирования полномочий. В этих отношениях принципал принимает как разумеющееся то, что для максимального удовлетворения потребностей ему необходима экспертиза агента, который будет действовать от его лица, а агент принимает в качестве константы то, что в своей деятельности ему необходимо будет ориентироваться на приоритеты принципала. Молчанием оказывается покрыто то обстоятельство, что агенту для получения ресурса для деятельности необходимо согласиться на сделку с принципалом, однако впоследствии агент действует по преимуществу исходя из собственных интересов.

Смешанная реальность молчания проявляется в том, что оно отображает на карте присутствие и отсутствие одновременно. Мы понимаем молчание как отсутствие прямой речи субъекта

от первого лица, притом что о нем может быть сконструирован внешний нарратив, и в то же самое время молчание — знак отсутствия субъектности, которая необходима для выстраивания аутопоэтического нарратива. Смешанные характеристики позволяют говорить о молчании как о генеративном экспрессивном конструкте, способе и средстве выражения в ситуациях, обнажающих недостаточность вербальной коммуникации. И здесь на помощь приходит язык жеста, язык символических кодов молчания, имеющих графическое выражение. Можно утверждать равную значимость молчания в творении истории, как и значимость вербальных кодов. Когда молчание маркирует согласие, масштабируемое конформное следование в русле того, что происходит в сообществе, оно приводит к Макросдвигам в тектонике общественного обустройства и влечет за собой самые серьезные последствия эволюционного масштаба. Мимические коды, а также выбор между бездействием и поступком рисуют узор индивидуальной судьбы в экзистенциальных констелляциях обстоятельств, относительно которых молчание имеет основополагающее значение.

Морально-нравственный компас, система координат карты, в которую вписано молчание, работает на этическое обоснование этой модели поведения в категориях «можно-нельзя», «правильно-вредоносно». Существует предположение о том, что молчание, недоговаривание не есть ложь. Однако молчание может быть равноценно обману, если человек утаивает информацию, которая может поменять вектор принятия решения у контрагента. В той или иной мере информационные асимметрии являются определяющей чертой большинства типов взаимодействий, основанных на взаимных ожиданиях. Ожидания выстраиваются, исходя из предшествующего опыта и знаний о контрагенте, а также информации о том, в каких обстоятельствах действует контрагент, однако эти данные в большинстве случаев являются неполными, иногда не вполне верными, и в комбинации с предоставлением информации, интенционально выгодной второй стороне, это приводит к решениям, которые в противном случае

не были бы приняты и организованы. Чем большей властью обладает человек, принимающий решения, тем, органическим образом, больше последствий будет у подобного решения, тем на большее количество судеб это решение окажет итоговое влияние. Это определяет цену ошибки и, соответственно, цену молчания в определяющий момент критической развилки.

Когнитивное картирование молчания обусловлено необходимостью понимания того, как и когда работают такие инструменты, как пропаганда и цензура, а когда необходимо более тонкое использование как риторики, так и контрриторических приемов, в том числе сочувственных. Объяснение того, почему в текущих условиях то или иное требование носителей социальной проблемы не может быть удовлетворено, создает запрос на мастерство и владение искусством *timing*, т. е. изучения того, в каких временных рамках можно раскрывать ту или иную информацию и с какой степенью категоричности и безапелляционности можно оперировать принимаемыми решениями. Эволюционные теории современности позволяют говорить о возможностях второго уровня открытости границ сообщества, когда эти границы могут открываться и закрываться селективно. Преимущество этой модели регулирования границ состоит в том, что, в отличие от закрытого общества, общество второго уровня открытости диссипативно, оно сохраняет динамические связи со средой, поэтому получает возможности коэволюции с внешним пространством.

Карты молчания открывают спектр приемов, которые могут использоваться для того, чтобы обойти стороной проблемный вопрос. Однако необходимо помнить, что проблемы, которые «замолчали», откладываются в психосоматике сообщества и затем вновь возникают на повестке в более глубокой форме проявления. Люди, чьи проблемы замолчали, становятся источником социального недовольства и ждут возможности перемены параметров порядка сообщества, сопровождающейся перераспределением его ресурсов. Согласно синергетическому подходу, изменения в сообществе происходят по двум векторам — это директивное управление сверху и самоорганизация снизу. Каж-

дый из этих векторов преобладает, в зависимости от степени открытости общества. В закрытых обществах директивное управление преобладает, а наличие самоорганизации замалчивается, хотя по факту самоорганизация частично присутствует, просто она выведена за рамки официального публичного дискурса. В относительно открытых обществах директивное управление носит характер рамочного обеспечения условий для самоорганизации. Реформирование происходит при нарушении процессов управления, что имеет под собой основание в усилении разрывов в ткани сообщества, о которых становится неприемлемо молчать, ведь они касаются большой пропорции людей. Разрывы приводят к выводу в публичное пространство проблем, которые долгое время игнорировались, и здесь большое значение получает то, какой фрейм обретет проблема, поскольку именно это обуславливает траекторию ее потенциального решения. В период кризиса действует феномен, о котором мало говорят, — это феномен институционального предпринимательства, когда субъект повышает свой социальный статус посредством предложения антикризисного решения.

Экономика молчания подразумевает расчет издержек и выгод от молчания в конкретной ситуации. Картирование сдержек и противовесов должно было бы способствовать принятию рациональных решений, однако такой подход игнорирует все пространство иррациональности бессознательных поведенческих импульсов. Таким образом, помимо нормативной оси «хорошо-плохо» и оси «выгодно-невыгодно», расположение на карте ситуационного решения, в том числе решения о молчании и действии/бездействии, определяется обстоятельствами, о которых субъект не может говорить публично и в которых иногда даже не может признаться самому себе. Отсутствие честности перед собой за свои решения приводит к когнитивным искажениям и желанию постфактум оправдать свое решение, причем информация, мешающая это сделать, зачастую опускается и не принимается во внимание. Когнитивные искажения, происходящие из-за информационных асимметрий, существующих в любой челове-

комерной системе, дополняются информационными фильтрами и селективным подбором данных под конкретную ситуацию. В результате субъект склонен принимать субоптимальные решения, и его «прошивка» не обновляется под требования среды. Умалчивая об этой проблеме сознательно или бессознательно, такой субъект постепенно утрачивает свои субъектные качества, находясь в отрыве от окружающей действительности. В этот момент актуализируется потребность в философии, которая несовместима с суевериями, поскольку одной из ее основных функций является очищение массового и индивидуального сознаний⁵.

В пульсирующем многомерном фазовом пространстве между покоем и напряжением молчание, которое включает в себя и то, и другое, приобретает философское, семиотическое смысловое звучание. Молчание редко бывает частью симптомокомплекса экзистенциального вакуума — однако его смысл, первоначально истолковываемый через категорию сомнения, иногда может быть понят только апостериорно. Положение «между» напряжением и покоем наделяет молчание ресурсом, который впоследствии реализуется в качестве поведенческого выбора, в том числе в измерениях между волей к удовольствию и волей к власти как метапсихологическими феноменами⁶, а также между чувством долга и стремлением к витальной безопасности как общечеловеческими категориями.

Молчание является продуктом совести как компаса в следовании индивидуальному смыслу при осознании возможности ошибки. По словам Гордона Олпорта, «мы можем быть одновременно наполовину уверены и всем сердцем преданны»⁷. Молчаливая реакция всегда контекстуальна, и, кроме того, она носит направленный, интенциональный характер. Как пишет Брентано: «В реальном мире невозможно покраснеть, когда краснеть не

⁵ Философия науки. — Вып. 13: Здоровье как проблема естественных и биомедицинских наук / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И. К. Лисеев, Е. Н. Гнатик. М.; ИФ РАН, 2008. 292 с.

⁶ Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 228 с.

⁷ *Ibid.*

из-за чего»⁸. Тем самым, молчание — это реактивный феномен, раскрывающий свои краски как в ситуациях повседневности, так и в экстремальных ситуациях. Молчание органическим образом связано с молитвой, которая, вместе с тем, может реализовываться в действии. В молчании раскрывается феномен самоочевидного. Молчанию подлежит то, с чем соглашаются и что не подвергается сомнению. Однако бывают ситуации, в которых молчаливое согласие приводит к деструкции. Молчание может интерпретироваться как медитативное состояние отрешенности от реального мира, однако настоящими механизмами отрешения от реальности являются героизм и юмор. Героизм — как выход за пределы условной нормы для достижения нравственно важного результата, а юмор — как квази-выведение себя из субъектного состояния в объектное посредством шутки, которая затем возвращает ее автору субъектные качества в приумноженном объеме. Молчанием покрыты те области явлений, принятых за однозначные, которые по каким-то соображениям затушевываются и выводятся на второй план. Например, о бессоннице псалмопевец изрекает следующие слова: «*Velper noctem terno net cor teum*» («Даже и ночью учит меня внутренность моя»). Молчание относительно аспекта бессонных ночей, связанного с поиском смысла, обеспечивается эффектом вытеснения. Для решения этой проблемы могли бы быть задействованы формы досуга, не связанные с поглощением и обработкой сенсорной информации.

С нейрофизиологической точки зрения, молчание можно рассматривать в качестве селективной реакции на раздражитель. Кроме реакции «бей-беги», существует реакция замирания организма, когда он не движется и не предпринимает никаких активных действий. Пассивность имеет собственный ресурс выработки устойчивости. Таким образом организм может мимикрировать под среду и избежать распознавания себя в качестве пищи для хищника. Молчание несет не только ресурсосберегающее значение, но значение более масштабное, благодаря которому воз-

⁸ Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 228 с.

можно само выживание. За паузой следует активное поведение в ситуации большего благоприятствования, уместность поведения определяет наличие шанса на благоприятный исход затруднительного положения. Воздержание от выбора тоже представляет собой выбор, имеющий собственные последствия, избежать нормативной оценки которых не всегда оказывается возможным или необходимым. В ситуациях, к которым невозможно подготовиться заранее, предпочтителен такой разброс поведенческих реакций, из которого выбор принципиально возможен, даже если это выбор наименьшего из нескольких зол. Однако, как правило, такой выбор делается в условиях жестких информационных асимметрий.

Обсуждение. С 1960-х годов акцент в литературе на молчание как «самое мощное сопротивление» мыслям переноса был перенесен на роль молчания как формы коммуникации. Сложное молчание стало рассматриваться как продуманное средство защиты, сверхдетерминированное состояние, которое обслуживает различные эго-процессы, в частности через повторное воспроизведение фрагментов опыта с объектами прошлого⁹. Данная работа вписывает молчание в общее русло направлений, научная территория которых располагается в ареале вопросов экологического обустройства человека в сообществе¹⁰. Политическая философия молчания является во многом фронтальным направлением, что оправдывает некоторую степень первоначальной метафоричности ее понятий актуальностью рассмотрения вопросов априорного межпоколенческого наследования управленческих проблем¹¹. Коллективная деятельность подразумевает необходимость осмысления того, в каких ситуациях может применяться

⁹ Lane R. et al. Silence as communication in psychodynamic psychotherapy // *Clinical Psychology Review*. 2002. Vol. 22, Is.7, pp. 1091-1104.

¹⁰ Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: УРСС, 2005. 232 с.

¹¹ Бажанов В. А. Политическая биология в оптике гуманитарной экспертизы: предварительные итоги дискуссии // *Философия. Журнал Высшей Школы Экономики*. 2022. Т.6. №2. С. 346-352.

имеющее глубинное смысловое выражение молчание, а в каких — оно становится поверхностным и выхолащивает эмпатическую составляющую общения¹².

Этосное обеспечение функционирования сообщества требует четкий критериальный ряд возможностей использования спектра коммуникативных стратегий¹³, на шкале которых особое место принадлежит молчанию. Коммуникативные функции молчания включают невербальное общение, которое передает множество смыслов, в зависимости от культурных норм интерпретации. Первый тип молчания обозначает паузу и промедление в вербальной речи, когда контрагент в разговоре берет время для переосмысления. Второй тип молчания используется целенаправленно, имеет риторические функции и заключает в себе собственный смысл, поэтому такое молчание имеет коммуникативное значение. С когнитивной точки зрения, длина паузы воспринимается как время, необходимое для обработки языка перед речью или слушанием. В зависимости от личности, социальной дистанции и относительности социального статуса, молчание управляет или организует социальные отношения. С точки зрения теории вежливости, молчание является наиболее вежливым актом речи на Востоке. Например, несогласие и отказ в японской культуре выражаются через молчание из соображений сохранения лица контрагента. В некоторых африканских обществах молчание кажется манифестацией власти, однако тот, кто держит молчание — сильный или подчиняющийся, — разнится в зависимости от общества. Молчание может использоваться в качестве инструмента социального контроля¹⁴. Мы наблюдаем сосредоточие процессов дыхания (де-)концентрации властных отношений, выраженных в молчании само собой

¹² Alazöglu N., Sahin S. Silence as a multi-purpose speech act in Turkish political discourse // *Procedia Social and Behavioral Sciences* 2011. 15. 3008-3013.

¹³ Vanderwees Ch. Mouth at rest: notes on silence as psychoanalytic technique // *Psychoanalytische Perspectieven*, 2019.

¹⁴ Логинова М. В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект // *Вестник Северного (Арктического) государственного федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. №4. С. 111-117.

разумеющегося, которое может быть ситуативно деконструировано для концептуализации и создания защитных клапанов сообщества.

Заключение. «Очевидность речи, возможно, несколько умаляет очевидность ее противоположности: не-речи или молчания»¹⁵. Онтологический статус молчания как неизведанного и непознаваемого нуждается в пересмотре. Молчание познаваемо, поскольку в нем заключена информация о его границах, его носителях, возможностях и последствиях его нарушения. Однако эта информация требует «очищения» от наслоения взаимно пересекающихся нарративов цифровой эпохи, с учетом того, что познавательные возможности индивида всякий раз ограничены перцептивной пропускной способностью его операционной системы, а также обстоятельствами контекста, диктующими определенный ракурс восприятия искомой проблемы, притом что содержание понятия «молчание» связано с другими понятиями онтологического ряда — «другой», «граница» и «событие». ¹⁶

Дискурсивный вакуум можно препарировать при помощи аналитической деконструкции в дискурс-анализе, для чего необходимо предварительно выявить взаимно пересекающиеся нарративы. В трансдисциплинарном пространстве на их стыке заключен локус дискурсивного вакуума, где присутствует невыраженность, недосказанность включенного третьего, которому не предоставлено право голоса в текущей расстановке сил и интересов. Социальная репрезентация текста, понимаемого в расширительном смысле, позволяет обеспечить плодотворную почву для прорастания семян дискурса, характерного для дисперсной системы распределенного управления. Молчание обладает

¹⁵ *Mier R. Freud and secrecy: allegory, aesthetic and silence in psychoanalytic theory.* Queen Mary University of London thesis, 1996.

¹⁶ *Орлов А. Б., Шумский В. Б. Нозтическое измерение человека: вклад Виктора Франкла в психологию и психотерапию // Психология. Журнал ВШЭ. 2005. Т.2. №2, с. 65-80.*

прокреативными свойствами: оно позволяет выразить то, что прежде было невыразимо словом, поскольку тема высказывания вынесена за рамки дискурса. Молчание покрывает латентную самоорганизацию смысла, поэтому это априорно синергетический феномен, что подтверждается эмерджентностью формирования беседы. Изучение риторических и контрриторических приемов, столкновение которых происходит в зоне молчания, дает возможность своевременно получать входящую информацию, заниматься митигацией разрывов и асимметрий, что на долгосрочную перспективу способствует переходу от общества выживания к обществу человеческого достоинства.

Литература

Бажанов В. А. Политическая биология в оптике гуманитарной экспертизы: предварительные итоги дискуссии // *Философия. Журнал Высшей Школы Экономики*. 2022. Т.6. №2. С. 346-352.

Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: УРСС, 2005. 232 с.

Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 384 с.

Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // *Социология*. 2010. №31. С. 5-29.

Логинова М. В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект // *Вестник Северного (Арктического) государственного федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. №4. С. 111-117.

Орлов А. Б., Шумский В. Б. Ноэтическое измерение человека: вклад Виктора Франкла в психологию и психотерапию // *Психология. Журнал ВШЭ*. 2005. Т.2. №2, с. 65-80.

Сандерсон К. Громкое молчание хороших людей. Буллинг, троллинг, харассмент и другие поводы остаться в стороне. Москва: Эксмо, 2021. 320 с.

Философия науки. — Вып. 13: Здоровье как проблема естественных и биомедицинских наук / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И. К. Лисеев, Е. Н. Гнатик. М.; ИФ РАН, 2008. 292 с.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 228 с.

Ясавеев И. Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. №1 (34). С. 91-102.

Alazöglu N., Sahin S. Silence as a multi-purpose speech act in Turkish political discourse // Procedia Social and Behavioral Sciences 2011. 15. 3008-3013.

Lagaay A. Between Sound and Silence: Voice in the History of Psychoanalysis // Freie Universitaet Berlin, 2008, vol. 1, Pp. 53-62.

Lane R. et al. Silence as communication in psychodynamic psychotherapy // Clinical Psychology Review. 2002. Vol. 22, Is.7, pp. 1091-1104.

Mier R. Freud and secrecy: allegory, aesthetic and silence in psychoanalytic theory. Queen Mary University of London thesis, 1996.

Vanderwees Ch. Mouth at rest: notes on silence as psychoanalytic technique // Psychoanalytische Perspectieven, 2019.